

**ИНСТИТУТ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ И ПЕРЕПОДГОТОВКИ
РАБОТНИКОВ ОБРАЗОВАНИЯ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ**

ХРЕСТОМАТИЯ

***к региональному курсу
«Фольклор и литература
Зауралья»***

(5 класс)

**Курган
2006**

Печатается по решению редакционно-издательского совета ИПКиПРО Курганской области.

Автор-составитель:

Ступина В.Н., доцент кафедры гуманитарного образования ИПКиПРО Курганской области, к.п.н.

Рецензенты:

Коробова Е.В., доцент кафедры литературы КГУ, к.п.н.

Паюсова Н.А., зав. кабинетом русского языка и литературы ИПКиПРО Курганской области

Хрестоматия к региональному курсу «Фольклор и литература Зауралья» (5 класс) / Авт.-сост. Ступина В.Н.; Институт повышения квалификации и переподготовки работников образования Курганской области. – Курган, 2006. – 58 с.

© Ступина В.Н., 2006

© Институт повышения квалификации и переподготовки работников образования Курганской области, 2006

Обращение к юному читателю...

Дорогой пятиклассник! Мы хотим тебе напомнить, что всякий писатель связан глубокими корнями со своей землей, с местом, где родился, жил, создавал свои произведения. Родная природа, встречи с людьми, своеобразие быта находят художественное отражение в творениях многих писателей и поэтов. Родные места оставляют сильный отпечаток и на творческом облике писателя в целом и на тематике его произведений. Трудно представить творчество Горького – без волжских пейзажей, Шолохова – без красок и звуков Донского края, Некрасова – без впечатляющих картин среднерусской природы!

Природа Болдина, Тригорского, Михайловского вдохновляла А.С.Пушкина на создание изумительных по глубине чувств поэтических картин:

И берег Сороти отлогий,
И полосатые холмы,
И в роще скрытые дороги,
И дом, где пировали мы,-
Приют, сияньем Муз одетый,
Младым Языковым воспетый,
Когда из капища наук
Являлся он в наш сельский круг,-
И нимфу Сороти прославил,
И огласил поля кругом
Очаровательным стихом.
Но там и я свой след оставил
И, ветру в дар, на темну ель
Повесил звонкую свирель.

Писатель черпает материал для своего творчества из хорошо знакомой ему действительности. Родные места входят в жизнь писателя с особенностями природы, быта и человеческих отношений.

На занятиях по изучению литературы Зауралья вы встретитесь с творчеством таких писателей, которые связаны с Зауральем своим рождением, жизнью или отдельными произведениями. **Желаем вам счастливого пути в мир зауральской литературы!**

Автор-составитель

Владимир Бирюков
Путь собирателя
(фрагмент из автобиографического очерка)

1

Я родился в селе Першинском в 1888 году. Предки моего отца больше столетия жили в селе Коневском, Багарякского района, Челябинской области.

Мне было, вероятно, года два, когда в моем родном селе Першинском случился «большой пожар». Тогда сгорело чуть не больше половины домов этого села. Событие стало для першинцев важной хронологической датой: «Это в тот год было, когда большой пожар...» А сколько было потом у населения рассказов про разные случаи во время этого пожара!

Наступил «худой год» - 1891-92. Отцу пришлось продать свой дом, чтобы продержаться с семьей. Потом он присмотрел в торговом селе Катайске небольшой дом, предназначенный на слом, и стал сам перевозить бревна за 20 верст в свое село. Перевозил в распутицу. Дорога была ужасной: ломались оси, останавливались лошади. Выбившись из сил, отец нередко бросал в ночное время среди дороги, верст за 8-10, и лошадей, и воз. Новый дом стал строить на месте большого, сгоревшего. В этом новом доме наша семья пережила часть «худого года», который затянулся на несколько лет: то вредила хлебам засуха, то нашествие мышей, то сибирской саранчи-кобылки.

Когда мне было года 3-4, родители ездили на лошадях в Кыштым, а потом поехали с нами в Касли, где завод дал возможность посетить «лабораторию» и в ней посмотреть великолепное собрание художественного каслинского литья из чугуна. Вот тогда я и начал любить это литье.

2

У матери был свой словарь необычайных в литературной речи слов, вроде: «барель» - невежа, грубиян; «сайгать»-рыскать, бегать; «посертывать» - перевертываться, вести себя непоседливо; «присеки огня» - в значении наречия о крайне загрязненном состоянии одежды: чтобы рассмотреть качество ткани и рисунок на ней, нужно даже днем высечь из кремня огонь и только при нем рассматривать.

Отец часто употреблял какие-то древние слова, вроде «комонь». Потом уж, когда я узнал «Слово о полку Игореве», невольно слушая

отца, я вспоминал это древнейшее произведение русской художественной литературы.

От матери я слышал много интересных пословиц, поговорок, загадок: «Велик верблюд – да воду возить, мал сокол – на руке носить», «Ума-то палата, а дичи – Саратовская степь», «Надо встать да голос дать» (утром в начале рабочего дня в семье).

От матери я заучил песни: «Я поеду во Китай – город гуляти», «Как по ярмарке купчик идет», «Во поле березонька стояла» и некоторые другие. Но мне особенно нравилось, когда она, взявши грудного ребенка, начинала метать его и приговаривать:

Поскакать, поплясать,
Про все города сказать:
Про Казань, про Рязань,
Да про Астрахань.

Мне, уж школьнику, слышалась здесь не только русская география, но сама музыка звуков в названии городов действовала как-то чарующе.

Отец песен знал немного. Поучиться у него в этом отношении было почти нечему. Если он и пел песни, то лишь когда выпьет. А пил он часто, чем приносил своей семье не только неприятности, но и несчастье. И пел он в это время все больше грустное. Отцом, когда он бывал в трезвом состоянии, не нахвалишься: тих, скромн, трудолюбив. Правда, за столом проявлял строгость к ребятам. Ел сам молча. Если кто заговорит или громко засмеется, не произнося ни слова, влепит кому-либо из нас, болтуну, ложкой по лбу. Про отца мать часто говорила: «Напьется - с царем дерется, а проспится - свиньи боится».

Дед по матери прожил за 80 лет, но его мать прабабушка, еще дольше: умерла 105 лет. Со слов своей бабушки мать рассказывала мне про крестьянское восстание 1842-43 года, когда восставшие требовали от властного начальства и духовенства воображаемую «Золотую строчку» - царский указ, написанный золотыми буквами. Тогда только что было учреждено Министерство государственных имуществ для управления государственными крестьянами, чиновники которого превратились в грабителей и притеснителей народа. Одновременно были увеличены налоги на крестьян. Те возмутились подобным новшеством. Кто-то пустил слух, что крестьян хотят «отдать под барина», но против этого - де возражал царь, который и издал

«золотую строчку», запрещавшую отдавать крестьян под барина. Восстание, конечно, было жестоко подавлено.

Бабушка по матери была добрейшим существом. Сестры и братья, особенно Михаил и Павел, часто и подолгу ездили гостить к ней. Братья уезжали в Колчедан, все время играли с соседними ребятами, от которых перенимали много песен и разных жанров детского фольклора. Когда братья возвращались домой, то учили нас тому, что узнали в Колчедане. Из разученного тогда мне больше всего запомнились: «Тропка» (напечатана в моем сборнике «Дореволюционный фольклор на Урале»), а также несколько других плясовых песенок.

Запомнилась также песенка про животных:

Заиграли утки в дудки,
Тараканы во варганы,
Журавли пошли плясать,
Долги ноги уставлять.
Сами пляшут на болоте,
Занимаются в работу:
Кому три дня работать,
Три овина молотить.

Сестры еще до «худого года» были отправлены учиться в Екатеринбург. Как-то летом сестры были дома на каникулах. Однажды я вышел на улицу и увидел, что на лавочке у нашего палисадника сидит младшая сестра Мария и записывает со слов крестьянской девочки – подростка песенки и частушки. Я осторожно подошел и стал наблюдать за работой сестры. Некоторые песни и частушки я до сих пор помню:

Я косила лебеду, лебеду
Телятишкам на еду, на еду...

или:

Косила, покосила,
Косу на камень бросила,
Лопаточку под елочку,
Сама пошла к миленочку.

Тогда меня особенно поразило наличие антирелигиозных частушек:

Часты звездочки на небе-
Исставлены пятаки.
Выйду замуж за монаха,
Он замолит все грехи.

Этот случай тогда произвел на меня большое впечатление: песни и частушки имеют, оказываются, какую-то ценность, их даже нужно записывать!

И это впечатление осталось у меня потом на всю жизнь. Вскоре сам стал записывать пословицы, поговорки, загадки. Эти записи сохранились у меня и до сего времени...

УСТНОЕ ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

Колыбельные песни

Баю, баюшки, баю,
Не ложися на краю,
Придет серенький волчок,
Он ухватит за бочок
И потащит во лесок
Под ракитовый кусток.
К нам, волчок, не ходи,
Нашу Олю не буди.

* * *

Люли, люли, люли,
Прилетели гули,
Сели в красных ботах
На резных воротах.
Люли, люли, люли,
- Что вам нужно, гули?
- Дайте нам горошку
И пшена ладошку,
И еще пшеницы,
И воды в корытце.
Баю, баю, бай, бай,
Ты, собаченька, не лай.
А ты, волк, не гуди,
Мою детку не буди.
Моя детонька, усни,
Сладкий сон тебя возьми.

Прибабульки-прибаутки

- Заинька, беленький
Где ты был?

- На меленке.
 - Что делал?
 - Мучку молот.
 - Где мучка?
 - Миколка украл.
 - Где Миколка?
 - В церковь ушел.
 - Где церковь?
 - Водой снесло.
 - Где вода?
 - Быки выпили.
 - Где быки?
 - Под гору ушли.
 - Где гора?
 - Черви выточили.
 - Где черви?
 - Во тальник ушли.
 - Где тальник?
 - Девки выломали.
 - Где девки?
 - В замуж ушли.
 - Где мужья?
 - Все умерли.
 - Где гробы?
- Все прогнили
У попа в мешке
На загорбышке.

Загадки

Что это за братцы, которые через дорогу живут, а друг друга не видят?

Черная корова весь мир поборол.

Что это за коромысло над рекой повисло?

С крыши висит, на солнце блестит, как съешь, так в горле болит?

Считалки

Энэ, бэнэ, рэс,
Квинтер, финтер, тэс.
Энэ, бэне, ряба,
Хвинтер, финтер, таба.

* * *

Ехала машина темным лесом,
За каким-то интересом...
Инте, инте, интерес
Выходи на букву «с».

* * *

Раз, два, три, четыре...
Все машины проскочили.
Ну а той, что будет «пять»,
И придется нас искать.

Заклички и приговорки

Солнышко, солнышко,
Выгляни в окошко,
Дам тебе горошку.

Улитка, улитка,
Высуни рога,
Дам пирога.

Мышка, мышка,
Вылей воду
Под железную колоду-
Коням на болтушку,
Свиньям на кормушку.

Скороговорки

Шли три попа,
Три Прокопья-попа,
Три Прокопьевича.
Они судили про попа,
Про Прокопья-попа,
Про Прокопьевича.

Поддевки

Скажи: «Крапива»
- Крапива.
- У тебя мать красива.

Скажи: «Дай»

- Дай.

- Собакой полай.

Скажи: «Корова»

- Корова.

- У тебя кошка здорова.

Мирилки

Миришь, миришь, миришь

Да больше не дерись,

Если будешь драться,

Я буду кусаться.

Миришь, миришь, миришь

Да больше не дерись,

Если будешь драться,

Я буду ругаться.

Миришь, миришь, миришь

Да больше не дерись,

Если будешь драться,

Я буду щипаться.

Миришь, миришь, миришь

Да больше не дерись,

Если будешь драться,

Буду огрызаться.

Докучные сказки

У попа была собака,

Он ее любил.

Она съела кусок мяса,

Он ее убил.

Вырыл ямку, закопал,

Крест поставил, написал:

У попа...

Небылицы

У дяди Егора часы говорят,

Собачка на печке потявкивает,

Медведь на печи отрывается,
А барин на печи обувается,
Господинова жена лепешки пекла,
А кот толстой сухари толчет...

Сказка «Уголек, пузырек и соломинка»

Жили-были три братца, три родные: уголек, пузырек и соломинка. Вздумали они идти в лес, рубить дрова. Дошли до ручья, стали советоваться: как чрез ручей передти. И говорят оне сами меж собой: «Ложись ты, соломинка, и делай из себя мост, а мы по тебе перейдем». Тут соломинка легла, и пошел по ней уголек; дошедши до половины – соломинка изогнулась, подхватило се водой и унесло; а пузырек стоял на берегу, хохотал, хохотал и лопнул, уголек жо утонул.

Сказка «Коза»

«Коза ты, коза белая, коза – куды бегала?» Коза – брык! - «Не скажу...» - «Скажи – жо, коза, куды прыгала?» - «Ась – капусту ись (есть)».

Сказка «Сходка»

Собирались мелкия пташки на зеленой лужок, ставали в кружок, выбирали царя – бела лебедя, филина – губернатора, зуя – исправника, жаравля – прикащика, гуся – сборщика, синку – разсылку, воробья – коморку, сороку – сотника, галку – с палкой. Ворона – тарбука – в мир неугодна; полетела она в кабачок и выпила винца на петачок. С тово она сделалась пьяной и хмельной и улетела в свое место спать, опочевать.

Сказка «Верещага»

(записана в Мокроусовском районе)

Жили-были старик со старухой. И был у них конь вороной. Старик поить-кормить коня не хочется, и старухе тоже. Залез дед на полати*, а старуха на печи устроилась. Условились они: кто первый слово скажет, тому и коня поить.

А жили они богато. В кути** на полке стояла шкатулка с деньгами, и хата богата, и поесть найдется. Вот сидят они, сидят, и приходит к ним бродяга:

- Здорово живете, крещеные.

Молчат старик со старухой, не отвечают. Заглянул он в печь, а там жареное стоит. Наелся он, взял на дорожку калач хлеба, напился и увидел шкатулку в кути. Взял он эту шкатулку и утащил. Старухе

стало жалко шкатулку. А дело зимой было. Она быстрехонько соскочила с печи, надела шубейку, пимы***, так и побежала. А бродяга уже далеко за деревню вышел. Бежит она и кричит:

- Стой, постой, я с тобой в товарищи пойду.

Дождался он ее, вместе пошли. Вот и спрашивает он ее:

- Как тебя зовут?

Она и отвечает:

- Верещага.

Шли они, шли и пришли к избушке полевой, где люди живут. Попросились ночевать. А в окнах вместо стекла брюшина. Пустили их ночевать, отвели место на полатах. Бродяга устал и быстро заснул. А старуха не спит. Нашла в темноте ту шкатулочку, спустилась и побежала. Проснулся бродяга, темно, ничего не видно. И стал он звать, с полатей кричать:

- Верещага, Верещага!

Хозяева проснулись и гнать стали:

- Иди на улицу верещать!

Он и замолчал. Прошло немного времени, и снова он стал кричать, Верещагу звать. Не стерпели хозяева, встали и на улицу его выбросили. Проткнул бродяга брюшину пальцем и снова кричит:

- Верещага, Верещага.

А хозяева ему и отвечают:

- Черт с тобой. Теперь на улице и верещи.

Понял тогда бродяга, что провела его старуха.

***Полати** – в крестьянской избе делался настил у стены сантиметров 70-80 от потолка. На полатах спали, хранили нужные в хозяйстве вещи.

** **Куть** – место между окном и печью.

*** **Пимы** – валенки.

СКАЗКА «ГЛУПАЯ СТАРУХА»

Жили-были старик со старухой. Старуха была злючая и крикливая. Она давно надоела старику. И он придумал:

- Поедем, старуха, в лес: я по дрова, а ты по ягоды.

А когда насобирав дров, то уехал от старухи, чтобы заблудить ее. Она хватилась – нет старика. А лес дремучий. Куда идти? Нашла она тропинку и пошла по ней. Тропинка вывела ее к колодцу. У колодца лежит колода. Она налила воды в колоду и говорит:

- Три ручья, бегите! В которую сторону побежите, туда и мне идти.

Ехали по дороге купцы, услышали, как кричит старуха, и подумали, что их грабить хотят. Испугались, бросили коней и убежали. Старуха села на их коней и приехала к старику с товаром. Старик испугался, что старуха кричать на него будет да еще разболтает о товаре, которым нечаянно разбогатели. Не велел старик ей на улице рот раскрывать. Старуха пришла на плотцы*, закрыла половину рта рукой, рассказала соседке, что привезла много товару. Старик заметил это, сделал так, чтобы люди не поверили ей. Вот и говорит старухе:

- Завтра будет война, так я заколочу тебя в бочонок.

Заколотил старуху в бочонок, привязал козла к столбу и давай его ремнем драть, козел-то орет. Тем временем старик товар спрятал. Слух по деревне о товаре-находке пошел.

Вызывают старика в совет.

- У тебя старуха много товару привезла?

- Я ничего не знаю, вызывайте ее.

Они ее вызвали. Она и лягнула:

- Война-то была, у нас весь товар забрали.

- Какая война? Ты что собираешь? – накинулся старик.

- А еще тебя к столбу привязали и драли, а ты орал, как наш козел.

Председатель рассердился:

- Уходи отсюда!

Вот и остались старик со старухой с товаром.

***Плотцы**-настил у берега, чтобы легче воду брать, белье полоскать.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СКАЗКИ

Леонид Куликов

Золотая бабочка

Часть первая «Слово Золотинки»

С давних пор в горах Урала

Много золота лежало,

Но земля таила

Золотые жилы.

Сила Савин молодой
Был усердный пескомой.
От Миасса до Тагила
По горам его носило.
Вот однажды из лесочку
Он принес мешок песочку,
Горкой высыпал на стол:
- Батя, глянь, что я нашел.
Сила даже засмеялся:
- Я на россыпь натыкался!
Мама, глянь, добро какое!
Но, качая головою,
Охладил его отец:
- Ты ошибся, молодец.
Это золото «кошачье»:
Грош цена, копейка сдачи.
Испытай его огнем –
Выйдет просто грязный ком.
Не поверив мудрой речи,
Сила взял руду и – к печи.
И запенился песок,
Почернел, как уголек.
- Ах ты, горе! Ведь блестящий
Был песок, как настоящий! –
Сила плюнул и мешок
На задворки уволок.
А отец у печки жаркой
Говорил, дымя цыгаркой:
- Не печалься, дорогой,
Что нашел песок пустой.
Золотая Девка, видно,
Подшутила над тобой.
- Что за девка? Кто такая?
Вроде я всех девок знаю.
- Нет, не знаешь, мир велик, -
Отвечал ему старик.
- Эта девка, примечай-ка,
Золотого дна Хозяйка.
Не в селе она живет –

Самородки стережет.
Люди бают, Золотинка –
Раскрасавица, картинка.
Но кого она невзлюбит,
Обязательно погубит:
Или в шурф его столкнет,
Или жилу отведет.
Но уж если улыбнется –
Клад старателю дается.

Сила слушал не дыша:
Больно сказка хороша.
Неужели есть такая
В мире Девка Золотая?
Поглядеть бы хоть тайком
На нее одним глазком.
И спросить бы ту девицу,
Как там золото родится,
Где и как его найти –
Счастье людям принести.
Сила с батей, дружно в паре,
Промывал пески в бутаре,
Ямы-дудочки копал,
Ковшик в речках полоскал.
Дома жить полегче стало:
Золотишко выпадало.
Хоть немного шло в лотки,
Было чем платить долги.

Как-то раз почувал Сила:
Где-то сильно задымил.
Между двух зеленых гор,
На которых вырос бор,
Ночевал один охотник
И до зорьки жег костер.
Утром ветер пробудился –
Пепел снова задымился.
И по травам в бор потек
Жгучий красный ручеек.

Стал с огнем старатель биться,
На пожарище крутиться,
Захлестал ветвями пламя,
Затоптал его ногами,
Да горячий уголек
До плеча зипун прожег.

Солнце ласково светило,
Отдохнул на камне Сила,
Оглянулся на восход –
С горки барышня идет.
Раскравица,
картинка,
Станом – гибкая тростинка,
Золотистая коса
И зеленые глаза.
В уши вдернуты сережки,
На груди сверкает брошка,
Сарафан,
как василек...
А умишко недалек:
Кто же в новом сарафане
Щеголяет в глухомани?
Кто же носит жемчуга,
Если тут кругом тайга?
Подошла она, спросила:
- Не обжегся ли ты, Сила?
- Да ожог-то невелик,
Только трогать не велит.
Кожа, девка, не одежда,
Заживет до свадьбы кожа,
Подорожник жар уймет,
А зипун мне мать зашьет.
Жаль, что кончилась водица –
Ни напиться, ни умыться,
Нечем сажу смыть с лица,
Прокоптился до конца.

Незнакомка улыбнулась,
В камень туфелькой толкнулась.
Из-под камня в тот же миг
Звонкий вырвался родник.
Тут наш парень догадался,
С кем случайно повстречался.
Сколько он ее искал
Среди гор, ручьев и скал,
А увидел Золотинку
На неведомой тропинке.

Вот он моется сидит,
А хозяйка говорит:
- Ты избавил от пожара
Бор, который я сажала.
Спас моих лесных друзей –
Сосны, птичек и зверей.
За великую услугу
Одарю тебя, как друга.
От души тебе даю
Чудо-бабочку мою.
Девка брошку отстегнула,
На ладошке протянула
Чудную булавочку –
Золотую бабочку.
- Чтоб ее в полет поднять,
Надо заговор сказать:
«Золотая бабочка,
Закружись по солнышку
И лети на волюшку,
На сыпучие пески,
На медовые куски.
Ты такого меду
Не едала сроду!»
Сила Савин растерялся,
Молча брошкой любовался,
Шибко бабочка красива,
Все сработано на диво.
Так наряд ее хорош,

Что и глаз не отведешь.
А когда очнулся Сила
И хотел сказать спасибо,
Пусто было меж камней.
Лишь бежал, журчал ручей
Да светилась паутинка,
Где исчезла Золотинка.
- Спал я, что ли? – думал он.
Да подарок-то не сон!
Дай-ка вправду испытаю,
Что за бабочка такая.
Стих заветный он сказал –
Ветер бабочку поднял.
Сила двинулся за ней
Меж кустов через ручей,
Через гору да в распадок,
Мимо речки с водопадом,
По песку за холм. И вдруг
Села бабочка на луг.
Землекопу тяжело –
Семь потов с него сошло.
Он полдня копал лопатой,
И открылся клад богатый:
Семь картошин золотых,
Самородков дорогих.
Дивный клад, улов хороший,
А не съешь таких картошин.
Сила их сложил в мешок,
Спрятал бабочку в платок.
И домой побрел скорее,
Опасаясь лиходея.

А наутро прямиком
Он в казну пришел с мешком.
- Принимай, казна, находки,
Золотые самородки!
Свешать их – немалый труд,
Круглым счетом вышел пуд.

С пачкой денег по базару
Он ходил и брал товары.
Заплатил купцам долги,
В лавках выбрал сапоги,
Зипуны – себе и бате,
Одеяло взял на вате,
Ящик чаю всех сортов,
Грудю тканей всех цветов,
Шаль пуховую мамаше.
Всяких круп купил на каши,
Сахарную голову
Для житья веселого,
Куль муки да два ружья –
Только радуйся, семья!
Самовар, картуз, баранки,
Леденцы в красивой банке,
Гвозди, свечи и фонарь,
Булка хлеба и букварь,
Иглы, нитки, рукавицы –
Все в хозяйстве пригодится!

А на конном на торгу
Взял телегу и дугу,
Да с бубенчиками сбрую,
Да лошадку молодую –
И подарков целый воз
Сила вечером привез.

Мать у воза хлопотала,
Что куда девать – не знала,
А отец, ведром звеня,
У плетня поил коня,
Приговаривал про сына:
- Ай да Сила, весь в меня!

Два денька попиrowали,
Всю родню, соседей звали,
А потом наш молодец
Положил гульбе конец.

Он купил себе крестовый
Дом под крышею шатровой,
Чтоб Наташу в жены взять,
Свадьбу осенью сыграть.

Земляки нередко к Силе
За подмогой приходили:
Пастуха помял медведь –
Худо голодом сидеть,
У кого корова пала,
У кого изба упала.
Как же людям не помочь?
Ведь нужда черна, как ночь,
А у Силы на божнице
В чистой тряпочке хранится
Бабочка-красавица,
Часа дожидается.

Так и жил счастливчик Сила.
Ну, а что с ним дальше было,
Вам расскажет новый сказ,
А сегодня хватит с вас.

Часть вторая «Касьяновы козни»

Землю рыл Касьян-толстяк,
Вырыл мамонта костяк,
И старателю за это
Дали прозвище Шкилета.
И еще не раз Касьян
Удивлял односельчан.
Вдруг Шкилету пофартило
Сесть на хвост богатой жилы.
Загулял Касьян, зазнался,
На пирах запировался,
Сторублевки жег не раз
Всем гулякам напоказ.
Начал строить двухэтажный
Дом с колоннами и башней
И на тройке рысаков
Долетал до кабаков.

Но старательское счастье
Ускользает в одночасье:
Проиграл лихую тройку,
Пропил начатую стройку,-
Золотой ручей иссяк.
А Касьян все пил, да так,
Что осталось лишь ему
Только за плечи – суму.
Вот и стал ходить к соседу
За деньгами и к обеду.
А сосед был наш герой
Сила Савин, пескомой.
- Сила Силыч, друг фатовый,
Одолжи мне рупь – целковый.
Что – то в горле сухо,
Заболело брюхо.
Ты жуешь картошку с мясом,
Я хлебаю редьку с квасом
Да грызу старуху –
Отощал, как муха!

В эту пору Сила Савин
Был на всю округу славен –
Сильный, добрый, молодой
И красивый сам собой.
Девки сохли и страдали,
Что гуляет холостой.
А ему была Наташа
Всех желаннее и краше –
Брови соболиные,
Песни соловьиные.
Лучше всех она плясала,
Силу в пляску завлекала.
Было им вдвоем светло,
Время к свадьбе подошло.
А у силушки в заачке
Три рубля осталось в пачке.
Где ж тут свадьбу затевать,
Надо денег добывать.

Но не зря же на божнице
В чистой тряпочке хранится
Бабочка – красавица,
Золотоуказчица.

Он к березовому колку
Вышел утром по проселку,
А за ним следил Шкилет,
Как ищейка взявши след.
Сила снова без запинки
Молвил слово Золотинки:
- Золотая бабочка,
Закружись по солнышку
И лети на волюшку,
На сыпучие пески,
На медовые куски.
Ты такого меду
Не едала сроду!..
Чудо – бабочка прослулась,
На ладони встрепенулась
И легко взлетела ввысь,
Только крылья затряслись.

А Шкилет с раскрытым ртом
Так и замер за кустом.
- Все понятно, друг мой милый!
Ты знаком с нечистой силой!
Вот теперь я разумею,
Как ты вышел в богатеи,
Я прижму тебя, дружок,
Так, что лопнет кошелек.

Силе было непонятно:
- Что ж она летит обратно?
И куда ее несет?
За плетень, в мой огород!..
Вышло чуть не у крылечка
Богатимое местечко –
Златоносные пески.

В них желтели светляки,
Золотые таракашки
В рыхлой серенькой рубашке.
Только землю разгребай,
Без промывки подбирай
Самородки в огороде,
Словно клюкву на болоте.

Эта новость во мгновение
Облетела все селенье –
Ну, и кинулся народ
Разгребать свой огород.
Всю капусту порубили,
Всю картошку своротили.
Нет ни луку, ни моркошки,
Нет и золота ни крошки.
И раздался бабий рев,
Оглушая мужиков:
- Как нам зиму зимовать,
Чем похлебку заправлять?
Черти угорелые,
Что же вы наделали!..
Бабы били мужиков,
Не жалея кулаков.
А мужья-то: Аты – баты,
Мы-то чем же виноваты?
Рев и свара! И без правил
Сила мир в селе уставил.
Парень долго не мудрил,
Всем хозяйкам подарил
По стакану желтой крупки:
- Лишь не войте вы, голубки!
Получай, орава,
Плату за потраву!..
Бабы смолкли, засияли,
Вроде все довольны стали.
Только цены на муку
Подскочили к потолку.
Денег много, хлеба мало –

Сразу все подорожало:
И картошка, и товар,
Привозимый на базар...

И Шкилет по общей моде
Долго рылся в огороде,
Ни крупинки ни нашел,
К Силе вечером пришел.
- Сила Силыч, друг фартовый,
Я тебе служить готовый.
Ты почаще, чертознай,
Чудо-бабочку пускай!
Знаю все, но я не выдам,
Мы с тобою в люди выйдем.
Мне-ка дай пятьсот рублей –
Все сокрою от властей.

Сила было рассердился,
Но, подумав, согласился:
- Ладно, так и быть, бери,
Да помалкивай смотри!..
Через месяц в день туманный
Вновь Шкилет явился пьяный:
- Сила, милый чертознай!
Я счастливый, так и знай,
Ты меня позолотил,
Я ведь мельницу купил.
И совсем уж сторговался,
Да в картишки проигрался.
Дай мне сразу тысяч пять,
Буду целый год молчать.

Тут уж сила не сдержался,
Сам кулак невольно сжался,
И Шкилета в зубы – хрясь!
Тот упал за дверь в грязь.
Поскорее прочь пустился.
Но ругался и грозился:
- Погоди,- кричал, - постой!

Все узнает становой!
И пришла расплата к Силе:
Парня стражники скрутили,
Отыскали на божнице
Чудо-бабочку в тряпице
И свезли по-быстрому
Становому приставу.

Становой спросил: - А где ты,
Малый, выкрал брошку эту?
Где, когда и у кого?
- Да не крал я ничего.
- Ты не крал. Тогда откуда
У тебя такое чудо?
- Я нашел ее в кустах,
От завода в трех верстах.
- Ты нашел. Тогда вопрос:
Почему к нам не принес?
Мы немедленно узнаем,
Кто действительный хозяин.

Становой записку шлет
На железный на завод.
А владелец трех заводов
Фрол Иваныч Скороходов
Вмиг ответил: - Брошь моя!
Вещь парижского литья.
Потеряла брошку дочка.
Привезти находку срочно!
Вам же будет, сударь мой,
Награждение с лихвой...

Сразу понял: - Брошь не та,
Но какая красота!
Этот лакомый кусочек
Сберегу для милых дочек.
Что сказать – товар хорош,
Только чья же это брошь?..

А Шкилет с побитой рожей
Ждал заводчика в прихожей
И, когда тот подошел,
Ткнулся носом в гладкий пол.
- Фрол Иваныч, благодетель!
Знаю тайну, бог свидетель,
Тайну бабочки твоей,
Только дай мне сто рублей...
Это штучка не простая,
А ищейка чертозная.
Может бабочка летать,
Надо только слово знать.
Он гонял ее в работу,
Как собаку на охоту.
Где опустится она,
Там богатства дополна.

Призадумался заводчик,
Нацарапал пару строчек,
Становому шлет приказ:
- Нужен Савин сей же час!
Если требует начальство,
Исполняй и не печалься.
Силу тут же привезли,
В кабинет к нему ввели.
Барин в шелковом кафтане
Развалился на диване.
- А скажи-ка мне, орел,
Где ты бабочку нашел?
- Где нашел, там больше нету.
На лесной дороге где-то.
- Врет, поди, - сказал Шкилет.
Барин топнул о паркет.
- Ты гонял ее в работу,
Как собаку на охоту.
Слово кто тебе сказал?
- Кто сказал, тот не молчал.
Слово мне во сне приснилось,
Да и то уже забылось.

- Ну, так я те покажу,
Разом память освежу!

И заводчик крикнул грозно:
- Эй, холопы, где там розги?
Всыпьте парню двадцать пять,
Чтобы память поразмять!..

- Ладно, барин, так и быть,
Буду бабочку будить...
Ларчик свой принес заводчик,
Потайной открыл замочек,
Подал парню бабочку,
Развернувши тряпочку.

Сила громко, как на рынке,
Начал слово Золотинки:

- Золотая бабочка,
Закружись по солнышку
И лети на волюшку!

Отыщи ты поскорей
Дом хозяйюшки твоей,
Передай спасибо
И поклон от Силы...

Чудо-бабочка проснулась,
На ладони встрепенулась
И легко порхнула ввысь,
Только крылья затряслись.

Полетела, как живая,
Всеми красками играя,
А заводчик и Шкилет
Понеслись за нею вслед.

Но какая всем обида!
Скрылась бабочка из вида,
Посверкала, как звезда,
И пропала без следа.

До утра плутал заводчик,
Мерз в болоте между кочек,
Изодрал в лесу свой шелк
И вернулся злой, как волк.

Тут же Силу и Шкилета
Решено призвать к ответу,
И заводчик завопил:
- Кто мне бабочку сгубил?
Что вы, шельмы, натворили!
Обманули, разорили!
Тыщу триста три рубля
Брошка стоила моя!
Хоть разденьтесь вы до нитки,
Но платите мне убытки!
Тут он отнял без затей
У Шкилета сто рублей,
А потом досталось Силе:
Дом его с торгов пустили,
Со двора свели коня-
Обобрали среди дня.

Как Наташа горевала!
Ведь она того не знала,
Что жених не виноват,
И не вор, как говорят.
Как-то девки и Наталья
Сад господский подметали,
Палый лист гребли с земли,
Золотую брошь нашли.
И воскликнула Наташа:
- Девки, вот она, пропажа!
Все крича пошли гуртом
К барину в кирпичный дом.
Там Наташа и спросила:
- Ты зачем обидел Силу?
Тот находке удивился,
На слова – не рассердился,
По рублевке девкам дал,
А Наташе он сказал:
- Твоему дружку наука:
Не чихай, карась, на щуку!
Я теперь его прощу,
Все потери возмещу,

Но и он пускай придет
Поработать на завод...

Как там Силушка старался,
Как от гибели спасался,
Скажет вам последний сказ,
А пока что хватит с вас.

Часть третья «Силина свадьба»

Между склонов светло-синих,
У пруда в речной долине -
Домна, словно воевода,
Во главе всего завода
Свысока глядит окрест.
Ест руду и уголь ест.

А в цехах кипит работа
До двенадцатого пота.
Сто огней в горнах горят,
Триста молотов стучат.
Под ударами искрится
Раскаленный слиток-крица.
Там народ мастеровой,
Расторопный, деловой.
Тяжелы бруски стальные,
Но них стоит Россия.
Без железного бруска
Нет ни плуга, ни штыка...

Жар и грохот, дым и чад.
- Да у вас тут, братцы, ад!..
Силу взял кузнец подручным:
- Не робей, потеть научим!
Но подручный не робел,
Хоть от сажи почернел.
Натянувши рукавицы,
Подносил клещами крицы,
Мех кузнечный раздувал,
Уголь к печкам подавал.

А зимой как углежог
Для завода уголь жег.

Он распиливал деревья,
Топором рубил поленья,
Покрывал дерном кучонки,
Присыпал землею щелки,
Чтоб огонь до тла не сжег
Звонкий черный уголек.
Нелегко кучонки жечь –
Не жалей ни глаз, ни плеч!
А на отдых уходил,
Все же песни заводил,
Да частушки заводские,
Озорные, вот такие:
*- Понедельник-легкий день:
Кто на рудник, кто в курень,
А приказчик мается –
Бражкой наливается.*

Услыхал его приказчик,
Забудыга из пропащих,
Что на всех, как пес цепной,
Лаял летом и зимой.
На расправу скор и лют,
Потому и звался Кнут.
Раз под вечер – день кончался –
Сила за день намотался,
На поленницу прилег,
Трудный выполнив урок.
Вдруг неслышную походкой
Подошел приказчик с плеткой
И давай его пинать,
Диким голосом кричать:
*- Спать-то все вы больно прытки,
А хозяину убытки!
Подымись, ленивый пес!-
И расквасил Силе нос.*

Не стерпел обиды Сила,
Саданул злодея в рыло,
Крепко двинул, не шутил –
Челюсть набок своротил.
Прискакал к отцу в домишко,
Первым делом взял ружьишко,
Положил в большой мешок
Нож, топор и котелок.
Взял калач, лопату, ложку
И отправился в дорожку
По горам да по лесам,
А куда – не знал и сам.
В небе звездочка блестела,
Словно путь сказать хотела,
Чтоб от гибели спасти,
От погони увести.

Вышел он речной долиной
В краснолесье, в край пустынный.
Перед ним текла Исеть –
Рыбы тьма, была бы сеть.
Сила вытащил лопату
И работал до заката.
Через день и дом готов –
Землянуха из пластов.
Нет ни окон, ни крылечка,
Да зато сложил он печку,
И для лошади пригон
Из жердей изладил он.
Землю солнышко пригрело,
Сила принялся за дело,
Он старался день-деньской,
Целину пахал сохой.
Робил, рук не покладая,
И дождался урожая.
А потом своим трудом
Он построил новый дом,
А при нем амбар да баню –
В общем, выбился в крестьяне.

Но наскучило ему
На заимке одному.
Ведь хозяйство без хозяйки –
Что струна без балалайки...

Тайно сделав перегон,
Сила к милой съездил в дом
И просил ее папашу:
- Дай мне в жены дочь Наташу,
Отпусти ее со мной,
Будем жить одной семьей...
- Ты мне был бы лучший зять,
Только как же вас венчать?
Кто ты, парень, без бумажки?
Без бумажки ты бродяжка.
Ты ведь в тайности живешь,
Вдруг на каторгу пойдешь?
Хоть и жаль вас разлучать,
Только свадьбе не бывать...
Тут Наташа приуныла,
Потемнел от горя Сила.
Поскакал во весь опор-
И не прятался, как вор.
Как увидел его Кнут-
Снарядился в пять минут
И пустился на восток
Вслед за Силой, след в следок...
А когда его настигли,
Ох, и плохо было Силе!
Без сознания он лежал,
Вроде даже не дышал.
И подумал Кнут-разбойник,
Что беглец уже покойник:
- Что тащить его в дорогу!
Видно, отдал душу богу.
Божья воля – тяжкий крест.
Пусть медведь его доест.

Вот уж утро наступило,
Дождь прошел. Проснулся Сила.
В небе коршун вил круги
Выше радуги-дуги.
Занесло на ту поляну
Зайку, серого ушкана.
Коршун зайку увидал,
Подлетел и камнем пал.
Сила громко закричал,
Криком коршуна прогнал.
Тот умчался в синеву,
Зайка плюхнулся в траву.
- Эх ты, бедный мой растяпа!
И тебе сломали лапу.
До чего мы дожили-
Оба обезножели...

Серый заяк полз, не прыгал,
Чутким носом всюду шмыгал,
Что-то в травах разыскал,
Синий стебель пожевал,
Скушал черный корешок,
Скушал желтенький цветок,
Скушал острый красный лист-
Сразу косточки срослись!
Зайка к озеру спустился,
В горьких водах полечился,
Кувыркнулся раз-другой
И айда бегом домой!

Бедный Сила подивился:
Быстро заяц излечился!
И пополз по травам он,
Еле сдерживая стон:
- Может, зайкино лечение
Принесет и мне спасенье...
Луг цветами весь пестрел,
Наш горюн нашел и съел
Сорок синих стебельков,

Сорок черных корешков,
Сорок желтеньких цветков,
Красных листиков погрыз-
Сразу косточки срослись!
В чистой речке искупался-
И от счастья засмеялся:
Был он чуть не мертвецом,
Стал здоровым молодцом.

Между тем жестокий Кнут
Струсил вдруг за самосуд.
И решил злодей – полдела
Привезти из леса тело,
Всем сказать: его медведь
Изломал – урок вам впредь.
Слышит Силушка в землянке –
Кто-то едет по полянке.
Прикатил незваный гость.
Охватила Силу злость.
- Ну, здорово, Зот Минеич!
Все живешь, Злодей Злодеич?
С чем приехал на коне?
Или гроб привез ты мне?
Только я ведь не в могиле –
Жив, здоров и в полной силе.

И заплакал Кнут-злодей:
- Не губи души моей!
Спрячь топор, я сам помру,
Дай вернуться ко двору.
Кнут рыдал, в ногах валялся,
Сила Силыч засмеялся:
- Что, не сладко смерти ждать?
Веселей других терзать?
Убирайся восвояси,
Но вперед не попадайся!..

Даль дрожала в синей дымке.
Силе жаль бросать заимку,

Да ведь здесь теперь не жить,
За сохою не ходить.
Только выехать собрался,
За спиною крик раздался:
- Сила, Силушка, постой!
Ты живой, живой, живой!!!
И Наташа, не робея,
К Силе кинулась на шею.
- Наши бабы мне клялись,
Что тебя медведь загрыз.
Я не верила, сбежала,
Сердце правду мне сказало.
И пойду я за тобой,
Словно нитка за иглой!

Ближе к солнцу, в Зауралье,
Он увез свою Наталью.
Свадьба тихая была,
В гости лишь луна зашла.
В деревушке на Тоболе
Стали жить на вольной воле,
Стали жить да поживать,
Ребятишек наживать.
Сам с весны пахал землю –
Было некогда лениться.
И жена, забыв покой,
Хлопотала день – деньской.
Дом у них стал полной чашей,
Сила дружно жил с Наташей,
Говорил ей не тая:
- Ты хорошая моя
Золотая бабочка,
Умная хозяйюшка...

Много-много лет прошло,
От избы пошло село.
И на пашне, полной силы,
Сеют хлеб потомки Силы.
Кончен мой последний сказ.
До свиданья, в добрый час!

Алексей Пляхин
Памяти поэта

Друга Леонида Куликова
Возле нас, увы, сегодня нет,
Но звучит взволнованное слово,
Что оставил нам, живым, поэт.

Он оставил, мужеством богатый,
Как солдат в отчаянном бою,
Нам тепло своих рукопожатий
И улыбку добрую свою.

Он в бою был трудном
Чуть не с детства
И, как верный Родине боец,
Нам, живым, оставил он
В наследство
Дружбы и отваги образец.

Наш поэт – он близок нам
и дорог
Бодростью, что в нем
Всегда жила,
Он нам дорог книгами, в которых
Доброта
Могущественней зла!

Леонид Куликов
Чудеса, братишка!

Чудеса, братишка!
Сам не верю я,
Скоро выйдет книжка,
Знаешь, чья? Моя!

Книжка тоньше спички,
Книжка для детей,
Малыши и птички
Защечечут в ней.

Это не ошибка,
Это не во сне.
Золотая рыбка
Приплыла ко мне.

Зауралье

Что такое зауралец,
Скажет вам любой земляк:
- Левым боком я уралец,
Правым боком сибиряк...

На зеленом разнотравье
Между колков и озер
Развернуло Зауралье
Золотых полей ковер.

Я скажу о крае шире:
Зауралье – это мост.
От Урала в глубь Сибири
Он заходит в полный рост.

Знойный ветер Казахстана
К нам кидает свой аркан,
И полярные бураны
Не забыли наш Курган.

Мы большой родней богаты,
Всех припомнить не берусь.
Мы по картам азиаты,
Только в сердце светит Русь.

Я люблю свой край до донца,
Здесь я жил, не зря старел,
Обуралился на солнце.
На снегах осибирел.

Антонина Куликова
О сыне пишу
(глава «Поэт о себе» из документальной повести)

Время летит незаметно, и чем дальше, тем быстрее. Теперь я на своем опыте убедился, что пятьдесят лет – это действительно круглая дата. Если раньше ребятишки, подходя к моей тележке, спрашивали: «Дядя, ты писатель?», то теперь иногда говорят: «Деда, расскажи сказку».

Жизнь не останавливается, и юбилейная дата – это только привал в дороге или узловая станция, до которой довез тебя поезд времени. На этой станции нельзя пересесть во встречный поезд, ведь на дороге времени одностороннее движение. Но с юбилейной станции невольно оглядываешься на прошлое, измеряешь пройденный путь.

Я думаю об истоках своей работы. Начинать я в трудные годы войны, прикованный к постели. Почти половину своей жизни я прожил в селе Половинном Целинного района Курганской области. Долго не верил, что смогу быть писателем, да тогда и не думал об этом. Просто интересно было, когда из-под пера появлялись какие-то мысли, стихотворные строки, сравнения. Иногда что-то получалось, но в любом случае на бумаге отражалась частица моей души.

Работать было интересно, только страшно мешала неподвижность и боли в костях, не хватало знаний и непосредственных впечатлений.

В медицине есть такое понятие – уход в болезнь. Мне приходилось решать обратную задачу – как уйти от болезни, как вырваться из плена неподвижности. Творчество, работа для детей оказались той отдушиной, через которую если не я, то мои слова смогли выйти к людям. Конечно, без помощи людей я ничего не смог бы сделать. Прежде всего хочется поклониться моей первой помощнице – маме. Она не только кормила и ухаживала за мной, но и книжки привозила, тележку – кровать придумала. Мама – учительница. Приходя домой, она часто рассказывала о школьных событиях. Многие из ее рассказов отразилось в моих писаниях.

Я с теплым чувством думаю о другом великом помощнике, о нашем зауральском крае, о его земле и людях. Многие темы творчества, сюжеты выросли на зауральских черноземах.

Когда я заболел, то по существу остался без товарищей. Мне нужна была какая-то внутренняя жизнь. Мыслей-то было очень мно-

го, и я стал их записывать. Иногда мелькали отдельные строки, очень интересные сравнения, любопытные сюжетные повороты, которые я стремился занести в тетрадь. Когда заметил, что мысли произвольно выражаются стихотворными строчками, стал сознательно ставить их в стихотворный ряд, подыскивать рифму.

Постепенно из этих занятий начало вырисовываться то, что стало моим призванием.

Давно сказано, что писатель – это память. Можно добавить, что писатель – это терпение. Десять раз переделаешь все стихотворение, пока слова не встанут на свое место. Надо сказать, что к себе я очень недоверчиво относился. Я ж был обыкновенным школьником, восьмиклассником, багаж знаний меня не отягощал, опыта было и того меньше. И в общем-то не было оснований считать, что у меня есть особые способности. Поэтому я не верил в то, что смогу стать поэтом, не верил даже тогда, когда стихи стали появляться в печати.

Первые стихи были напечатаны в «Пионерской правде» в 1946 году. Первая книжка вышла в свет в 1951 году, книжка для детей «Скоро в школу». Потом в Кургане выплыл сборник «Кораблики». Через три года издана первая сказка «Как ежик стал колючим». А дальше одна за другой выходят «Младшая сестра», «Храбрый Василек», «Майские флажки», «Белочка - умелочка», «Торопей», «Хитрая сорока», «Солнечные зайчики». В 1973 году Южно – Уральским книжным издательством выпущена богато иллюстрированная книга «Сказки и стихи».

Вот так и получилось, что жизнь, как река, сама прибила меня к писательскому берегу.

Спрашивают, почему большая часть моих стихов посвящена детям. Я люблю детей. Когда я начал писать, в моей работе сами собой определились три направления, три ветки. Первая – это агитационные стихи. Ведь в то время шла война, все мои товарищи воевали, работали, учились. И мне было очень тяжело сознавать, что я остаюсь в стороне, что я лишний и не могу идти вместе с ними плечом к плечу. И я подумал: попробую работать головой. Второе направление – стихи для себя, воспоминания о детстве. И наконец, третья ветка – это, как оказалось, был основной ствол дерева, - стихи для детей. Вот они – то первыми и прошли к читателю. Ребята живо откликнулись на них, и с этого времени я стал все больше внимания уделять детским стихам.

Над каждым стихотворением или сказкой приходится работать очень много, исписывается большое количество бумаги, и только

наиболее удачные куски или отдельные строки попадают на свободный лист. Бывает так, пишешь-пишешь, и вдруг заколодило. Тогда бросаешь все, чтобы дать стихам отстояться. И снова берешься за работу. Не получается – опять бросаешь. В общем, я всю жизнь только и делаю, что бросаю писать. А когда работаешь над крупным произведением, например над сказкой, тут уж стараешься не отвлекаться, не терять нагрева души.

За четверть века моей работы издано двенадцать книжечек общим тиражом более двух миллионов экземпляров.

Вероятно, можно было бы написать больше и лучше, главное – лучше, ярче, интересней. Но в сущности, мне всю жизнь приходилось тратить силы не столько на литературу, сколько на борьбу с обледенением души. Все-таки неподвижность – страшная штука, она не только физически стягивает тело, превращая его в мумию, но и проникает в душу, тормозит и разрушает механику мозга. И с годами это чувствуется все сильнее, несмотря на все усилия освободиться от замерзания. Конечно, в этой борьбе не одни поражения были, а были и победы, была радость сознания, что моя работа нужна людям. Я и сейчас надеюсь, что когда пройдет очередной «ледниковый период», будет и на нашей улице лето, будет тепло, будет и новая книжка...

Алексей Еранцев

Подснежник

На тропах нехоженных вешних,
На тайной поляне лесной
Пьет желтым бокалом подснежник
Весенний медовый настой.
В нем дождика светлая ноша,
В нем шепот травы-муравы.
И солнцем на тоненькой ножке
Считают его муравьи.

Вот была у нас корова

Вот была у нас корова!
Дед навьючит ползарода,
Сверху сядет, как князек,
А доенушка везет.
В бороне ходить умела,
И в телеге, и в санях.

Бригадир Иван Безменов
От нее стерпел синяк.
Вот была у нас корова!
Все столбы переборола,
Разбодала три угла-
Отелиться не могла.
Нанесла двойной убыток,
Подкузьмила семерых...
До сих пор ее копытом
Гвозди дергает старик.

Вера Ступина

Как будто я в музее восковых фигур...

Как будто я в музее восковых фигур!
Морозный день, все замерло вокруг,
Деревья в куржаке, а на снегу
Искрятся отблески угасших звезд...
Затихло все: и небо, и земля;
Мороз успокоение принес.
Пришла, пришла сибирская зима!
Ударил в посох Дедушка Мороз!

Веточка сирени

Веточку сирени принесла вчера...
Ах! Как чудно пахнет! Передать нельзя.
Даже яблонь сочный аромат в саду
Перебить не в силах веточку мою!

Борис Черемисин

Рисуй, осень!

Пора пробужденья пера...
Ну, здравствуй, моя желтоглазка!
Сейчас тебе краска - не краска,
И каждый мазок – что игра!

И каждый твой дивный порок,
Любая причуда-награда...

Ботва почернела на грядках,
Взвился огородный дымок.

Палитру оставив в лесу,
Ты спряталась и притаилась.
Явись, покажись, сделай милость-
Я кисти тебе принесу!

Метельные меты
Вере Бекетовой

Февральские вьюги - особые:
Какая метельная высь!
Огни одноглазыми совами
Над улицами вознеслись.

Пурга-круговерть и сумятица:
Справляй именины, Мороз!
И тройкою зимушка катится-
Какой же с сударушки спрос?

Эх, русская чудо-метелица,
Шуми напоследок, шути!
Что скоро капли - не верится:
К весне заметены пути...

Одарит снежком – не открутится
Прохожий, подняв воротник.
И как хорошо, что распутица
Седой не снимает парик...

Лик весны
Володе Струнину

Пора, пора душой оттаять,-
Пришла весна. И невзначай
Грачей громкоголосых стая
Кричит настойчиво: «Встречай!»
Что ж, выхожу, среди проталин
Приметы лета ловит взгляд:
Дома, смахнув снега с завалин,

На мир распахнуто глядят,
Ручьи, по-свойски тараторя,
Ныряют бойко под забор,
Природа рада: вскоре, вскоре
С зимой закончен будет спор!
Дух от земли еще студень,-
У солнца не хватает сил.
Сирени - спящие гулены,
Их март еще не разбудил.
Они проснутся чуть попозже,-
Всему придет свой срок и час.
И майским вечером погожим
Сирень осыплет «счастьем» нас...

Надежда Рождественская
Апрель устроил звонницу...

Апрель устроил звонницу
У крыши на краю.
Я не его поклонница,
Но все же тут стою.
Средь шума и средь рокота
Прохладный воздух пью,
С простуженной сорокою
Свой тяжкий хлеб делю.
Она, плутовка, тянется
К рукам моим. Не лень.
И просит: «Дай мне пряника
Медового». Апрель
С утра устроил звонницу
У дома моего.
Я не его поклонница,
Но слушаю его.

Гроза надвинулась неожиданно

Гроза надвинулась неожиданно,
Вечерний разорвав покой.
И вновь бушует над Курганом
Весенний ливень молодой.

Он хлынул, резвый и бессонный,
На тротуары, на гранит.
На языке крылатых молний
С землю небо говорит.

Николай Аксенов
Речка жизни моей

По-прежнему неторопливо
Сквозь темный кудрявый ивняк
Течет меж высоких обрывов
Красивая речка Утяк.

Спокойная, вечно живая
От силы дождей и снегов,
Струится вода ключевая
У желтых крутых берегов.

Своей проторенной дорогой
Стремится в чужие края,
Сливается с чистой Отногой
Заветная речка моя.

Березы над нею, как свечки,
И речке от свечек светло.
И окнами смотрит за речку
Мое небольшое село.

Я прожил здесь лучшие годы
И с речкой все время дружил.
И славные дни, и невзгоды
Я вместе с селом пережил.

От речки, от чистого света
Теперь не уеду никак.
Бежит через теплое лето
Волшебница – речка Утяк.

Виктор Гилев

В листьях утренних деревьев

В листьях утренних деревьев
Солнце окунулось.
На задворках у деревни
Кузница проснулась.
А проснувшись с петухами,
Так взялась за дело,
Что у горна под мехами
Сердце загудело!

Александр Худяков

Проводы

Мой отец в руках котомку держит...
Мать отцу печалится в слезах:
"Как с тремя детьми останусь? Как же?..."
Горе и отчаянье в глазах.

Возле них стоим и мы: три сына.
В сердце что-то горькое пришло.
Но все горе той лихой години
К нам еще в сознание не вошло.

Молчалив отец был от печали,
Хмурил дуги негустых бровей:
"Может, на войне минует пуля?
Береги себя и сыновей!"

И пошли тихонько мы к вагонам:
Ждали новобранцев поезда.
И отец уехал в эшелоне,
Чтобы не вернуться никогда.

На занятиях

Свистел осенний ветер в уши,
И утопали ноги в грязь;
А я за взводом нес, согнувшись,
Станок "максима" в первый раз.

Струился пот со лба ручьями,
Давило плечи, ныла грудь;
А я все шел вслед за бойцами,
Стремясь до места дотянуть.

Была минута: мне казалось,
Еще шагну - и все, потом
Не в силах побороть усталость
Свалюсь придавленный станком.

Но я все шел упорно, трудно,
Все дальше, дальше, все вперед:
Пока желанная команда
Не повернула к лесу взвод.

С тех пор считаю непреложной
Для службы истину-закон;
Что невозможное - возможно,
Когда к победе устремлен...

Константин Сульдин

У вечного огня

На площади один есть уголок,
Среди живых цветов огонь пылает...
Сюда приводит нас людской поток,
И в памяти герои оживают.
Спасибо им за мир и тишину,
За небо голубое с журавлями.
Спасибо, что не знаем мы войну,
Встречаясь здесь на площади с друзьями.

Сергей Чингин

Рассказ «Жернова»

Шла война.

В то время мне было лет двенадцать, но я уже хорошо знал вкус лебеды, щавеля, березовой коры, свекольной ботвы и алябушек из мороженой картошки. К тому же все это нечем было и посолить. У

моей больной матери тогда были единственные кормильцы – жернова.

Когда наступала посевная, ей поручали размалывать пшеницу на крупу, чтобы людей в поле кашей кормить. Мы с мамой брали старенькое ведерко и шли на склад получать пшеницу. Кладовщица взвешивала тару, потом насыпала туда зерна из кучки, прибереженной для посевной, и ставила ведерко на весы.

- Вот, смотри, Дуняша, - 5 килограммов 375 граммов.

Дорогой я держался за дужку и говорил:

- Дай, поднесу один!

Но мама от дужки не отпускалась и как-то испуганно отвечала:

- Бог с тобой, а если рассыплешь?!

Когда приносили пшеницу домой, мама, перекрестившись, высыпала горсточку в отверстие жерновины и начинала крутить. В нижний лоточек сыпалась мука. Затем она останавливала жернова, брала щепотку молотого, сдавливала в пальцах и приговаривала:

- Мелковато, побыстрее надо крутить и побольше горсточку насыпать.

Под натруженной маминой рукой жерновина ходила ровно, без рывков.

Иногда помол длился почти всю ночь, так как к утру повару нужна была крупа.

Бывало, я не выдерживал соблазна и говорил:

- Ну, мама, дай щепотку пшенички...

Но она не давала:

- Ты же видел, Сережа, что она взвешена, и я за нее расписалась.

Когда все зерно перемалывалось, несли крупу на склад.

Кладовщица ставила ведерко на весы, взвешивала. Лицо моей мамы в этот момент мне больше всего запомнилось. Она глядела не на весы, наверно, не понимала на них, а на кладовщицу, стараясь угадать: все ли в порядке.

Та неизменно говорила:

- Все точно, Дуняша, заработала полтора трудодня.

Кроме того, наделяла нас ста граммами той же крупы.

Получив очередное ведерко крупы, мы снова спешили домой, варили жиденькую кашу. Каждый раз, когда мы ее хлебали, мама с гордостью говорила:

- Это жернова нас кормят.

Валентина Федорова

Первый день из детства

Я из того поколения, которое названо последним свидетелем второй мировой. В памяти о первом дне осталось немного. Тогда мне было шесть лет. Запомнилось, что в очень жаркий день мы бежали с трехлетней сестрой к самому высокому месту длинной деревенской улицы – к церкви. Там нас должен был увидеть отец, которого уже оповестили о войне. На руки он подхватил нас, кажется, не сходя с тарантаса. Все спрессовано в один миг: встреча и сразу дом, наполненный запахами. На столе лежало много маленьких колобков – запеченных в тесте яиц. Их клали в заплечный мешок, отправляя человека в дальнюю дорогу. Так они сохранялись долго, а война не виделась короткой. Даже жареную курицу сквозь толщу лет не вижу, а колобки запомнились. Лицо отца знаю по военной фотографии, но несу по жизни его облик: высокий, красивый, веселый человек. Вспоминают, что он не нудил своими наказаниями жену. Одни велели остающимся хозяйкам блюсти себя, другие требовали не растрясти хозяйство, а наш наказал: «Детей береги. Как при мне людей встречала, так и без меня встречай. К тебе грязь не прилипнет». Так и стало. Вот и весь первый день: жара, самый красивый отец, колобки на столе и вкусный запах.

После войны

Много раз я слушала певуний из Введенского Мишкинского района. Одни женщины, невесты сороковых. Я их по-другому не представляю. То, что время пометило их лица не в счет. Важно, как в исполнении немолодых женщин слышится война со всем, что волновало, сжимало грудь, радовало. В неброских крепдешиновых платьях благородной расцветки (вишневый с белым) ходили бывшие юные девушки по кругу - друг за другом и пели, как водилось в их местах всегда. Такое отрешение девичьего одиночества, что охватывало душу дымом горечи:

Ты, Германия, Германия,
Проклятая война,
Ты оставила, Германия,
Без милого меня.

Я миленка провожала,
День без памяти лежала,

У меня, у молодой,
Отливали грудь водой.

Золото мое колечко
Укатилось под кровать.
Кто завлек мое сердечко,
Тот уехал воевать.

Проводила я залету,
Проводила прямо в бой.
Воротися, моя розочка,
Хоть раненый домой.

В армию миленочек,
А я куда, девчоночка,
Задавлюся на тебе,
Зеленая сосеночка.

Болю ранили в Германии-
Во правый его бок.
У кого поднялись рученьки,
Накажет того бог.

Кабы не было зимы,
Бураны не буранили,
Кабы не было войны,
Миленочка не ранили.

Милый с фронта написал
Открыточку почтовую,
Сообщил, что орден дали
За победу новую.

Милый едет на войну-
Банду бить фашистскую,
Я милого заменю,
Буду трактористкою.

Дорогой братишка пишет:
Милая сестреночка,
На моих глазах убили
Твоего миленочка.

Ты не плачь, моя родная,
И не думай обо мне,
Ведь не каждого солдата
Убивают на войне.

Ты война, война, война,
Война меня обидела,
Ты заставила любить,
Кого я ненавидела.

Скоро кончится война,
Пойдут ребята ротами,
Я своего дорогого
Встречу за воротами.

Вот и кончилась война,
Пошли ребята ротами,
А моего дорогого
Нет за воротами

И самая пронзительная частушка, завершавшая медленное замкнутое кружение былых невест:

Вот и кончилась война,
И осталась я одна.
Я и лошадь, я и бык,
Я и баба и мужик.

Из песни слова не выкинешь, как не выкинешь горькую правду из жизни. Не знаю судеб введенских женщин, но чувства невест войны им ведомы. В этом они правдивы, а жизнь их, рассказанная в частушках, не выдумана.

Виктор Потанин
«Боря-маленький и другие...»
(отрывок из рассказа)

... Недавно, выступая в одной из курганских школ, я вдруг стал вспоминать свое детство, военные годы. А началось неожиданно: одна бойкая пятиклассница с узкими глазенками, как у лисенка, спросила меня в упор:

- А вы в войну у партизан были?

- Что ты, милая! – поразился я до испуга. – В войну мне было всего ... восемь лет.

- Но вы же седой ... - В классе все засмеялись, а девочка – лисенок обиделась:

- Надо же, не спросить...

И мне захотелось ее утешить. Но я не успел – отвлек мальчик с передней парты. Он выглядел независимо.

- А магнитофоны у вас в войну были?.. Расскажите, какая марка?

- Да что ты?! – я почти закричал на весь класс. И почувствовал, что бледнею. Стало жарко в груди. – У нас и бумаги-то настоящей не было. Да, да! И бумаги... Мы писали на старых газетах, обертках. И поголодать пришлось. И мерзлую картошку попробовать, и щи из крапивы... А чернила мы наводили из сажи. А карандаши экономили: каждый карандаш резали на три части. Потом делили между собой ... - Но договорить я не сумел. В классе сделалось шумно. Я поднял голову и посмотрел вперед. Посмотрел – и сжался от боли: меня же почти не слушали! Каждый был занят собой: один заполнял дневничок, другой нетерпеливо покашливал, третий меланхолично смотрел в окно. И глаза были пустые, холодные. Их мало занимали мои слова – как будто я рассказывал им о далекой эпохе наполеоновских войн. Можно слушать, а можно и прочитать на двадцатой странице в учебнике... И во мне все поникло, я себя ненавидел. Я для них сейчас – скучный дяденька – резонер. Но почему? И тут на выручку мне бросилась та бойкая – лисенок.

- А у вас в деревне была музыкальная школа?

- В войну, что ли?

- Аха. – Она оглянулась беспомощно, ожидая поддержки. Но класс шумел, и тогда я стал отвечать одной ей, только ей...

- Такой школы, конечно, не было. А вот патефон у нас был. Привезли с собой ленинградцы. Эвакуированные...

- А что такое эвакуированные? - Опять этот лисенок. Она смотрела в упор и ждала ответа. И я что-то буркнул и стал прощаться. Это походило на бегство. Но я не хотел больше говорить в пустоту. Да и день был ясный, протяжный, на небе ни облачка. И там, в вышине, кружились беззаботные голуби. И я им позавидовал – им хорошо, легко, остались на земле все невзгоды, печали, а впереди – только воля и небо, у которого ни конца, ни начала. И кажется, будет вечной эта синева, этот полет.

И пока шел до дома, болела и страдала душа. Ну почему же им безразлично? Ну почему, почему?!.. И эти вопросы давили, как камень. И ничего меня не радовало, не утешало. А ведь должно бы, должно бы ... Ведь через три дня наступал Новый год, и везде стояло голубое сиянье. Оно было всюду: и на земле, и на небе... Оно шло и от елки на нашей площади, и от витрин магазинов, и от улыбок. И от надежды, которая в эти дни запрятана в каждом взгляде. Даже у голубей чудесное настроение, ведь скоро будет тепло и прибавится день. Даже птицы! А что уж там люди... А мне все равно тяжело. Ну почему, почему же им все безразлично?.. Почему я сбежал от них, почему?..

Виталий Есетов

«Мстители»

Идет урок. Ольга Михайловна как всегда строга и не улыбочива. Конечно, она всегда была права: не знаешь – закатишь «пару», отвечаешь хорошо-обеспечена хорошая, а то и отличная оценка. Но тогда-то нам казалось, что учительница слишком придирчива.

Из нескольких деревень ученики ходили в школу. И по весне, когда просыпались деревья и прилетали птицы, вылезали из нор суслики, зайцы стремглав перебежали дорогу, мы договорились...

... Ольга Михайловна записывала что-то на доске, и вдруг по классу начали летать пять-шесть сорок. Мальчишки молчат, девчонки визжат, сороки бьются в стекла шкафов и окна. Учительница обернулась, глаза ее расширились, лицо покраснело, и она начала ... хохотать.

Мы просто опупели, ну, кричи она, ругай нас, лови птиц – мы бы поняли, а она до слез смеялась, почему-то показывая на нас пальцем. Сами не знаем почему, смеялись и мы.

- Ребята, пожалуйста, тише, - попросила Ольга Михайловна, - пусть птицы успокоятся.

Класс замер, а учительница начала отдирать замазку с окон. Мы кинулись ей помогать. Когда окна раскрылись, сороки вылетели на волю.

- Ну, выдумщики, ну, мстители, - с ясной улыбкой оглядела она класс, - отдохнули, а сейчас...

Урок продолжался. Ольгу Михайловну мы любили.

Вера Ступина

Рассказ «Петька Рыжий»

Нина Ивановна медленно поднималась на второй этаж. Через несколько минут в пятом классе Г должен был начаться урок литературы. До кабинета оставалась одна лестница... Вдруг прямо перед глазами учителя оказался разухабисто скатывающийся по перилам веснушчатый рыжеватый парнишка, моментально спрыгнувший перед ее носом с перил и помчавшийся в неизвестном направлении. Нина Ивановна ускорила шаг. Дверь в 5 «Г» класс была распахнута настежь.

Учительница, войдя в класс, моментально оценила обстановку. Несколько взъерошенных мальчишек приглаживали растрепавшиеся в коллективной драке волосы, девчонки ехидно улыбались, ожидая очередной разборки с классом. Литер «Г» с первого класса характеризовал ребят как веселых и находчивых во всех делах кроме учебы.

Нина Ивановна поздоровалась с классом и начала традиционную переключку – знакомство. В классе присутствовали все кроме Петра Тесемкина.

- Ребята! А где Петя? – спросила учительница.

- Где-где? В Караганде, вот-где, - крикнул с задней парты Виталья-переросток, он уже третий год сидел в пятом классе и вел себя на правах старожилы.

- Да, замолчи ты, дылда! – бойко крикнула черноглазая Ритка Иванова. – Это ты виноват, что Петька удирает со второго урока. Проходу ему не даешь. Да и мальчишки «рыжим-рыжим, конопатым» обзывают. А он у нас с первого класса психованный! Правда, ребята?

Класс загудел, как будто только и ждал слов Риты Ивановой...

Нина Ивановна не первый год работала в школе, видела разных ребят, поэтому поняла, что такое бурное начало первого урока литературы в учебном году не принесет ничего хорошего. И она предложила ребятам написать небольшое сочинение на тему «Чего я жду от уроков литературы в 5 классе?», а сама пошла искать в школе Петю, ей казалось, что он не должен убежать далеко.

Учительница хорошо знала здание школы, ее укромные уголки, поэтому свой поиск она начала с мужского туалета в рекреации для начальной школы. Куда еще мог убежать пятиклассник, только что отучившийся в этом корпусе три года? И, действительно, возле школьного умывальника, захлебываясь в слезах, стоял Петька. Он

стоял, отвернувшись от дверей, чтобы никто из входивших не видел его заплаканного лица.

Нина Ивановна положила не плечо мальчику руку, второй рукой обняла его за голову. Рыдания Пети только усиливались. Тогда учительница открыла кран с водой, сполоснула ему лицо и предложила выпить воды из крана, чтобы успокоиться. Постепенно всхлипывания прекратились, и Нина Ивановна с Петей поднялись на свой этаж. Учительница разрешила мальчику до конца урока провести время в читальном зале школьной библиотеки, чтобы он мог успокоиться, и попросила Петра после четвертого урока подойти к заветной скамеечке на третьем этаже для откровенного разговора. Нина Ивановна хотела разобраться, что происходит в душе мальчика и почему ему так сложно выстроить отношения с ребятами в классе.

Заветная скамеечка на третьем этаже была излюбленным местом Нины Ивановны для бесед с ребятами. Третий этаж был этажом начальной школы, которая работала по своим звонкам, поэтому, как правило, здесь никого из лишних людей не было и можно было спокойно поговорить по душам.

Честно говоря, Нина Ивановна до конца не была уверена, что пятиклассник придет для разговора. Как же она была рада, когда перед ней появилась эта неповторимая рыжеволосая физиономия с грустными зелеными глазами, веселыми конопушками и беспомощно свисшими руками, свободными от ранца.

- Давай знакомиться! Ты же меня совсем не знаешь, только имя и отчество. А я уже 20 лет работаю в школе, у меня есть и свои дети: дочь и сын. У нас с ними нет тайн. Мы часто помогаем друг другу советами. Я готова стать и твоим другом. Расскажи о себе.

- А что рассказывать-то? – Петя потупился и немного покраснел. Грустные глаза стали еще грустнее. - Я живу с бабушкой. Папка у меня пьет. Я его редко вижу. Иногда он тайком увозит меня от бабушки, и я по несколько дней не бываю в школе, а мама с бабушкой волнуются. Мамка у меня болеет, не работает. А в школу я ей приходить не разрешаю. Она по дороге может потеряться. Я за нее всегда волнуюсь. Ребята не знают, как я живу; а только дразнят «рыжим», вот я и дерусь поэтому, мне же обидно.

Глаза мальчика снова подернулись слезой, руки сжались в кулаки и он злобно прошептал: «А этому дылде Витальке я все равно морду набью! Будет знать, как обзываться!»

Нине Ивановне было искренне жаль мальчика, она понимала, что одним махом все проблемы Пети решить было невозможно. И все-таки, и все-таки она решила дать свой первый совет мальчику: попытаться вообще не обращать внимание на обзывания ребят в классе, набраться терпения и не распускать кулаки по причине и без. А она, Нина Ивановна, подумает, как вывести ребят на откровенный разговор на уроке литературы о чести и человеческом достоинстве, может быть, что-то ребята и поймут. «А ты, Петенька, знаешь, о чем сегодня твои одноклассники писали сочинение? Чего я жду от уроков литературы в 5 классе? - спросила Нина Ивановна пятиклассника. – Пожалуйста, подумай дома и тоже напиши свое мнение».

На следующий день первым уроком по расписанию в 5 классе «Г» был урок литературы. Нина Ивановна, как всегда, уже за полчаса до занятий была в классе. В этот день самым первым на урок пришел Петька. Он молча положил перед учительницей свою тетрадь, в которой в качестве сочинения была написана лишь одна строчка: «Я хочу, чтобы ребята стали добрее!»

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бирюковское наследие. Том первый. Материалы к биографии В.П.Бирюкова / Редактор А.М.Бритвин. – Шадринск: Изд-во ПО «Исеть», 1998.
- 2.Единоверцы. Коллективный сборник стихов. – Курган: Периодика, 1994.
- 3.Еранцев А. Кумачовые журавли. Стихи. - Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1967.
- 4.Еранцев А. Ночные поезда. Стихи. - Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1965.
- 5.Еранцев А. Талица. Стихи. – М.: Советский писатель. 1973.
- Записки уральского краеведа. - Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1964.
- 6.Земля Курганская: прошлое и настоящее / Краеведческий сборник. Выпуск 7. – Шадринск: Изд-во ПО «Исеть», 1994.
- 7.Куликова А.С. О сыне пишу. – Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1977.
- 8.Куликов Л. Преодоление. Стихи разных лет. – Курган: Периодика, 1990.
- 9.Организация научно-исследовательской деятельности студентов: Учебно-методическое пособие / Авт.-сост. Н.А.Криволапова; Институт повышения квалификации и переподготовки работников образования Курганской области. – Курган, 2005. – 78с.
- 10.Сто сказок южного Зауралья: Учебное пособие. – Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2005.
- 11.Ступина В.Н. Методика анализа художественного произведения: Методические рекомендации в помощь учителю литературы / Институт повышения квалификации и переподготовки работников образования Курганской области. – Курган, 2005.
- 12.Ступина В.Н. Октавы. Сборник стихотворений.- Курган: Периодика, 1993.
- 13.Ступина В.Н. Педагогические условия изучения регионального компонента государственного образовательного стандарта по литературе: Научно-методическое пособие / ИПКиПРО Курганской области. – Курган, 2004. – 17с.
- 14.Фольклор и литература Зауралья: духовно-нравственное, филологическое воспитание и развитие учащихся: Материалы научно-практической конференции (17 декабря 2003 года) / ИПКиПРО Курганской области.- Курган, 2003.
- 15.Фольклорное и литературное Зауралье: Региональный компонент федеральной программы по литературе для общеобразовательных учреждений (1-11 классы) / Институт повышения квалификации и переподготовки работников образования Курганской области. – Курган, 2003.
- 16.Янко М.Д. Уроки внеклассного чтения на краеведческом материале: Методические указания в помощь учителю русского языка и литературы" / Курганский областной институт усовершенствования учителей. – Курган, 1973.
- 17.Янко М.Д. Литературное Зауралье.- Курган: Советское Зауралье, 1960.
- 18.Янко М.Д. Литературное краеведение в школе. – Москва: Просвещение, 1965.

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение к юному читателю	3
Владимир Бирюков Путь собирателя.....	
Колыбельные песни	
Прибабульки-прибаутки	
Загадки	
Заклички и приговорки.....	
Скороговорки	
Поддевки.....	
Мирилки.....	
Докучные сказки	
Небылицы	
Сказка «Уголек, пузырек и соломинка»	
Сказка «Коза».....	
Сказка «Сходка»	
Сказка «Верещага»	
Сказка «Глупая старуха».....	
Леонид Куликов Сказка «Золотая бабочка».....	
Алексей Пляхин «Памяти поэта»	
Леонид Куликов Стихотворения	
Антонина Куликова О сыне пишу.....	
Алексей Еранцев Стихотворения	
Вера Ступина Стихотворения.....	

Борис Черемисин Стихотворения	
Надежда Рождественская Стихотворения	
Николай Аксенов «Речка жизни моей»	
Виктор Гилев «В листьях утренних деревьев»	
Александр Худяков Стихотворения.....	
Константин Сульдин «У вечного огня».....	
Сергей Чингин Рассказ «Жернова».....	
Валентина Федорова «Первый день из детства»	
Валентина Федорова «После войны».....	
Виктор Потанин «Боря – маленький и другие» (отрывок из рассказа).....	
Виталий Есетов Рассказ «Мстители».....	
Вера Ступина «Петька Рыжий».....	
Содержание	

Подписано к печати 20.09.2006
Лицензия серия ЛР № 040316 от 14.04.1998
Бум. кн.-журн. Формат 60x90 1/16 Усл.п.л. 2,5
Тираж 100 экз. Заказ
Отпечатано на дупликаторе ИПКиПРО Курганской области
640000, Курган, Пичугина, 38